

SELMA LAGERLOF

Lövensköldska
ringen

Charlotte
Lövensköld
Anna Svärd

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЁФ

A wide, horizontal decorative ornament featuring intricate black and white floral and scrollwork patterns, with small dots scattered around it.

Проклятие
рода Лёвеншёльдтов

A smaller, curved decorative ornament with floral and scrollwork patterns, positioned below the title.

Перевод
Сергея Штерна

T8 RUGRAM

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44
Λ14

Лагерлёф, С.

Λ14 Проклятие рода Лёвеншёльдов / С. Лагерлёф. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 544 с. — (Прокля-
тие рода Левеншельдов).

ISBN 978-5-521-78197-3

Печальный и изысканный роман-трилогия Сельмы Лагерлёф «Проклятие рода Лёвеншёльдов». Анекдотическая история о привидении каролинского генерала, всеми силами пытающемся вернуть украденный из могилы перстень, постепенно превращается в завораживающий полифонический рассказ о любви и ненависти, душевном величии и мелкой злобе, о мести и жертвенности, о вере догматической и истинной. Особенно удались Сельме Лагерлёф женские образы: непреклонная Марит, мстящая за страшную гибель любимых людей, коварная Тея, обаятельная, образованная и умная полковница Экенстедт, чья слепая любовь к сыну испортила жизнь и ему, и ей. И, конечно, трогательные и удивительные Шарлотта Лёвеншёльд и Анна Сверд, чьими именами названы вторая и третья части трилогии.

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44
BIC FC
BISAC FIC000000

© Штерн С.В., перевод на русский язык, 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

ISBN 978-5-521-78197-3

Книга первая

ПЕРСТЕНЬ ГЕНЕРАЛА

|

Знаю, знаю, слышала много раз — были когда-то, да и сейчас есть страшные люди. Хлебом не корми, дай пробежаться по неокрепшему осеннему льду. Или оседлать необъезженного скакуна. Находились даже — в это трудно поверить, но представьте только — находились фаталисты и решались сесть за ломберный столик с прапорщиком Алегордом, хотя и дети знали: Алегорд шулер, выиграть у него невозможно. Слышала про храбрецов, которые отправлялись в дорогу в пятницу. Или же садились за стол на тринадцать кувертов — и в ус не дули. Но не думаю, чтобы отыскался смельчак, который решился бы надеть на палец этот леденящий душу перстень. Перстень, принадлежавший когда-то старому генералу Лёвеншёльду из поместья Хедебю.

Тому генералу, благодаря которому Лёвеншёльды и получили свое поместье и дворянский титул. Тому самому, чей портрет до сих пор висит в гостиной в проеме между окнами. Огромный портрет маслом, от потолка до пола. Издалека может показаться, что изображен на нем сам Карл Двенадцатый — в голубом мундире, лайковых перчатках и высоченных ботфортах. Надо подойти поближе, чтобы понять: на клетчатом шахматном полу стоит не воинственный король, а совершенно другой человек.

Высокий, крепко сложенный. Грубой лепки лицо. Лицо человека, рожденного всю жизнь ходить за плугом. Из тех лиц, про которые писал Гоголь: природа недолго мудрила над отделкою. Хватила топором — вышел нос,хватила еще раз — вышли губы. Мужлан мужланом. Но вот что странно — уж никак не аристократ, а выглядит умным и значительным. И, главное, внушает доверие. Родись он в наше время, наверняка стал бы председателем совета коммуны или на худой конец членом какой-нибудь важной комиссии. А глядишь, и депутатом риксдага. У депутатов тоже бывают такие лица.

Но это в наше время. А жил-то генерал не в наше время. Он жил в эпоху героического короля. Пошел воевать бедным солдатом, а вернулся прославленным генералом Лёвеншёльдом. Мало того, в награду за военные заслуги получил от короля поместье Хедебю в уезде Бру.

И вот что удивительно — чем дольше смотришь на портрет, тем меньше обращаешь внимание на внешность. Да, такими они и были — отважные воины Карла XII, протоптавшие для него дорогу через Польшу и Россию. Вовсе не искатели приключений и придворные кавалеры, а неотесанные простолюдины, вот такие, как этот, на портрете. Они и признали его своим королем. Королем, ради которого стоит жить и умереть.

Присмотритесь, присмотритесь внимательно к этому парадному портрету. Оказывается, перчатка только на правой руке, а на указательном пальце левой красуется большой золотой перстень. Если рядом случится кто-то из Лёвеншёльдов, обязательно поспешит пояснить — нет-нет, вовсе не из фанфаронства генерал снял перчатку. Перстень подарен ему самим Карлом XII, и старый воин повелел художнику изобразить этот перстень на портрете, чтобы еще раз доказать верность своему единственному королю.

Других королей он не признавал.

Конечно же ему не раз приходилось слышать, как поносили его кумира. Многие даже решались обвинять короля Карла в невежестве и чуть ли не слабоумии — кем же надо быть, чтобы так разорить королевство, привести его на грань уничтожения! Но генерал стоял на своем. Он привязанностей не менял. Мир не видел такого короля, как Карл, и те, кто знал его близко, научились понимать, что есть на свете вещи важнее и прекраснее, чем богатство. Вы говорите — авантюрист, нападал на сильные державы, вот и напоролся. А разве приносит славу победа над заведомо обреченным противником?

Итак, генерал повелел художнику изобразить перстень на портрете. И точно так же, не допуская даже возможности возражений, приказал, чтобы похоронили его с этим перстнем на пальце.

Боже, что за тщеславие! Старый воин хочет похвалиться своим перстнем перед Господом Богом и архангелами... нет-нет, вы заблуждаетесь, ничего похожего. Конечно же нет, ни о чем подобном он и не думал. А причина вот какая: генерал лелеял тайную надежду, что после смерти попадет в некую Вальхаллу, в огромную пещеру, где пирует покойный король Карл XII со своими рубками. И они тут же опознают его по кольцу — кто бы сомневался! И вновь, вновь, теперь уже после смерти, окажется генерал рядом со своим обожаемым королем.

При жизни он никогда перстень не снимал. А когда гроб с телом генерала опустили в каменный склеп, загодя построенный по его распоряжению на погосте в Бру, перстень, само собой, красовался на его указательном пальце. Многие покачивали головами — надо же, такое со-

кровище будет лежать в могиле! Перстень генерала был почти так же известен, как и его хозяин. Поговаривали, в нем так много золота, что хватило бы на покупку целой усадьбы, а камень, очень крупный сардоникс с искусно выгравированной королевской монограммой, стоил никак не меньше. Но сыновья даже не думали распорядиться перстнем по-иному, и никто их не осуждал. Наоборот, все посчитали их поступок в высшей степени благородным. Как же иначе: выполнили последнюю волю отца и позволили ему унести свое сокровище в могилу.

Мы всматриваемся сейчас в этот перстень и с трудом понимаем, чем он так уж хорош. Красивым его не назовешь — работа аляповатая, в наше время никто бы на него и не посмотрел. Но двести лет назад... Не стоит забывать: королевство было на грани банкротства, все украшения и изделия из драгоценных металлов изымались в пользу Короны. В ходу были так называемые далеры Гёрцена — медные легкие монетки с номиналом, совершенно не соответствующим их истинной ценности. Так что большинство населения не только не имело золотых украшений, но и золота-то никогда не видело.

Конечно, похороненная в склепе редкостная драгоценность долго служила предметом разговоров. Сколько пользы она могла бы принести! Что ни говорите, понять людей можно — продать бы это кольцо в какую-нибудь соседнюю страну и накормить народ... полстраны жило в то время впроголодь, на хлебе из соломы и древесной коры.

Многие фантазировали — вот бы заполучить такое сокровище. Но никто даже не помышлял его украсть. Перстень лежал в гробу, в замурованном склепе, закрытом тяжелыми каменными плитами, даже самому ловкому вору не под силу проникнуть в последнее убежище генерала. Так бы и лежать перстню в могиле до Страшного суда. Но судьба решила по-иному.

||

Итак, в марте 1741 года уснул вечным сном генерал-майор Бенгт Лёвеншёльд, а через несколько месяцев умерла от дизентерии маленькая дочь капитана кавалерии, ротмистра Йорана Лёвеншёльда, старшего сына генерала, унаследовавшего Хедебю. Похороны назначили в воскресенье, сразу после службы. Все, кто присутствовал в церкви, пошли и на кладбище. Работники отвалили две огромные надгробные плиты, каменщик разобрал кладку над склепом — решили положить маленький гробик внучки рядом с огромным гробом знаменитого деда.

Прочитали заупокойную молитву. Потом говорились надгробные речи. Трудно, конечно, сказать точно, но почти наверняка: многие в толпе вспоминали королевский перстень и сожалели: вот, дескать, лежит такая дорогая штукавина в могиле и никому от нее ни радости, ни прибыли. Может, кто-то и шепнул соседу — смотри-ка, они оставляют склеп открытым, только завтра замуруют. Так что если кому взбредет добраться до перстенька...

Среди тех, кому приходили в голову подобные мысли, был и крестьянин из Ольсбю по имени Борд Бордссон. Мысли-то ему приходили, но он был вовсе не из тех, кто стал бы горевать до самой смерти об упущенной возможности. И даже наоборот: если речь заходила о кольце — дескать, неплохо было бы такой перстенок пустить в хозяйство, — Бордссон твердо заявлял: мой хутор Меллонстуга и так хорош. Уж кому-кому, а не ему завидовать покойному генералу из-за какой-то золотой безделушки. Вздумалось генералу взять ее с собой в могилу — вот и взял. Его право.

Но, конечно, и Борду Бордссону, и многим другим было не по себе. Открытая могила, мало ли что... «Ротмистр собирается замуровать могилу завтра после обеда... — соображал хуторянин. — А вдруг кому-то все же захочется добраться до этого проклятого кольца?»

А ему-то что за дело? У него-то почему голова должна болеть? Но мысль не оставляла. Опасная это затея — оставлять открытую могилу. Уже август, ночи темные. Для опытного вора залезть в склеп пустячное дело — и прощай, перстенок! Только тебя и видели. Даже и опыт не нужен. Захотел и залез.

Борд Бордссон забеспокоился всерьез. Решил было подойти к ротмистру и поделиться своими опасениями, но раздумал — люди и так считают его придурковатым, еще на смех поднимут. «И сомневаться нечего, — думал Борд Бордссон, — опасность есть. Есть опасность, есть. Разрази меня Бог, если я не прав... но лучше помалкивать — засмеют. Да неужто я один такой умный? Ротмистр — мужчина умный, уж точно не глупее меня. Наверняка распорядился, чтобы склеп замуровали до ночи».

Он даже не заметил, как закончилась церемония. Стоял у могилы и размышлял, пока жена не дернула его за рукав.

— Что это на тебя нашло? — спросила она. — Уставился, как кот на мышиную нору.

Борд вздрогнул и огляделся. На погосте уже никого не было, только они с женой.

— Так, ничего... Интересно...